

ТУРКЕСТАНСКИЙ ИЗЛОМ

СЕРГЕЙ АХМЕТОВ

Сюжеты истории

Сергей Ахметов

Туркестанский излом

«Издательство АСТ»

2026

УДК 94(47)
ББК 68.3(2Рос=Рус)6

Ахметов С. С.

Туркестанский излом / С. С. Ахметов — «Издательство АСТ»,
2026 — (Сюжеты истории)

ISBN 978-5-17-187806-1

Пекло. Горячее дыхание степей обволакивает древние города Средней Азии. Ароматы спелой айвы перешибает пороховая гарь южного фронта. Здесь, в Туркестане, в едином котле переплавляются азиатские, русские, европейские души. Судьбы ссыльного поляка и русского поручика сплетаются в замысловатый узор. Им предстоит пройти путь дружбы и вражды, верности и предательства, чтобы остаться в живых и вернуться. К той, чьё сердце они оба считают своим.

УДК 94(47)
ББК 68.3(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-17-187806-1

© Ахметов С. С., 2026
© Издательство АСТ, 2026

Содержание

Часть 1. Ссылный	6
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Сергей Ахметов

Туркестанский излом

Выпуск произведения без разрешения издательства считается противоправным и преследуется по закону

© Сергей Ахметов, 2026

© ООО «Издательство АСТ», 2026

* * *

Светлой памяти моего отца.

Рядом с ним для меня когда-то начались первые путешествия в историю. В романах, рассказах и кино, наполненных непонятными словами, запутанными сюжетами и непроизносимыми именами, он помогал мне разглядеть целые миры.

Часть 1. Ссылный

Происходящее казалось чудным и непостижимым до нелепости. Из дыр, что зияли в стенах вместо окон, помимо нагло-громкого тарабарского шума толпы доносились крики азанчи¹, призывавшего последователей Магомета к молитве. А внутри глиняной сакли, отличавшейся от тысяч других разве что большими размерами, батюшка совершал водосвятный молебен.

У отверстий, как будто по случайности оставленных в стенах неумелыми строителями, не было точных форм: одно было почти круглое, другое имело подобие углов, третье походило на след не то пушечного ядра, а не то удара молнии с небес. Сам дом, его стены и крыша были так раскалены яростным азиатским солнцем, что люди внутри словно варились в закрытом котле. И даже запах ладана от кадила не мог отогнать у присутствующих мыслей о преисподней.

В одну из дыр, которые местные упорно называли окнами, Ян Крашевский разглядел голубоватый купол, увенчанный раскалённым, янтарного цвета полумесяцем. А внутри, будто вступая с ним в спор, блеснул массивный серебряный крест на чёрной рясе священника.

Всё вокруг: эта убогая хижина, гвалт, доносящийся из окон, вонь человеческих тел, струи пота, стекающего по мерзкой корке грязи на теле – словно стремилось помешать богослужению. Наверное, в подобных же условиях проповедовал апостол Пётр в какой-нибудь древней Антиохии Сирийской, очищая сердца язычников и неся им дары Святого Духа.

Чушь, конечно, но именно эта история пришла шляхтичу на ум.

Батюшка, больше похожий на плутоватого деревенского мужика, погрузил троекратно крест в чашу с водой. Собравшиеся запели молитвы.

Тут только Крашевский припомнил, что нынче, первого мая, у него именины, сиречь день ангела, в честь которого он был назван. Покойный дед часто рассказывал мальчику о святом Иоанне – исповеднике или мученике – да только Ян давным-давно эти познания похоронил как ненужные, даже невежественные по его представлениям, и присыпал изрядным слоем новых жизненных впечатлений.

Не сдержавшись, безбожник усмехнулся краешком губ и подумал, что небесного своего покровителя, хоть и невольно, а помянул: в храм, если так можно назвать эту жалкую мазанку, заглянул, – так что святой Иоанн просто обязан ходатайствовать перед Богом о спасении души своего протеже.

Чтобы как-то скрыть неподобающие чувства, он оправил плотно облегающий сюртук и позёрски стряхнул несуществующую пылинку.

Из мебели вокруг он видел только скамьи да несколько табуретов. Помещение было по местному обычаю устлано коврами, и, казалось, из-за этого духота и зной делались нестерпимыми. В углу комнаты соорудили нечто вроде иконостаса с образами Иисуса Христа и Богородицы, так что расстояние между алтарём и молящимися было ничтожно: толпа буквально запрудила комнатёнку, облепила стены, люди набились в эту молельню, как сельди в бочку.

Священник отец Андрей, с неаккуратной бородой, похожей на метлу, совершил малый чин освящения воды. Крашевский по-мальчишески вытянул шею, заглянул в чашу и убедился, что мутная вода от сих приёмов прозрачней не стала.

Из-за спины священника шагнули вперёд несколько калек из нижних чинов, кто с одним костылём, кто с двумя, кто с перебинтованной башкой, а кто с животом, обтянутым повязкой, точно корсетом, и нудно затянули псалмы. А снаружи неуступчиво, упрямо надрывались нараспев сотни глоток: «Аллах акбар, Аллах акбар!..»

Перед тем как закрыть глаза и предаться грёзам, Ян не преминул бросить взгляд на милый сердцу образ. Она стояла поодаль и светилась, будто ангел небесный, а вокруг неё, как

¹ Азанчи – то же, что муэдзин, служитель мечети, призывающий мусульман к молитве.

и бывает с небожителями, образовалась почтительная пустота, выделявшая её ещё больше. Широкий кринолин под платьем не давал окружающим стеснить её свободу, бледная ручка сжимала веер, а вуаль на элегантной шляпке прикрывала лицо. Крашевскому только и требовалось – видеть её силуэт, чтобы воссоздать в мечтах всё обличье: точёную фигуру, вздымавшуюся грудь, плечи, целомудренно покрытые кружевной косынкой-фишю².

Небесное это создание было не от мира сего, и к этой жалкой мазанке, заполненной парами едкого мужского пота, принадлежало лишь постольку, поскольку Господь Бог наказал ему спуститься на землю и озарять своей улыбкой души тысяч местных обитателей, а Крашевского – погубить.

Она была сиянием света, напоминавшим всем, что и здесь, в этой первобытной глуши, возможен проблеск европейской культуры, утончённый досуг и светская жизнь. Она не давала офицерам, штатским чиновникам и мало-мальски образованным мещанам погрузиться во мрак невежества и солдатской грубости. А для Крашевского она стала вспышкой, подобной разрыву фейерверка, и подарила ему надежду на счастье в то время, когда пламя его сердца едва не угасло.

Крашевский думал о мезальянсе. Думал о её дяде, начальнике населения³, который уже практически спровадил его в такие далёкие пустыни, перед которыми даже этот пыльный город казался столпом культуры. Подумал и об изменчивости дружбы, бросив мимолётный взгляд на своего приятеля, поручика Кирсанова, который чересчур сосредоточенно молился, явно избегая скрестить со шляхтичем взор. Думал обо всех обстоятельствах, которые вынудили его, Крашевского, отправиться на войну.

Отец Андрей строго осмотрел свою паству и, как будто догадавшись об отвлечённых мыслях поляка, задержал на нём взгляд, так что Крашевский ощутил себя лишним на этом таинстве, как лишней среди неряшливых мужчин казалась *она* и как все они были лишними в этом мусульманском городе.

Под пение тропаря Крашевский прикрыл глаза и погрузился в воспоминания о последних событиях своей жизни, которые привели его в загадочную азиатскую страну. О том, по каким мудрёным жизненным тропам провела его судьба, чтобы он смог мельком увидеть своё счастье, и какие преграды ему предстоит преодолеть, чтобы он сумел это счастье ухватить, ведь оно по-прежнему представляло таким же далёким, как престол Господень для грешника.

* * *

Туркестан! Сколько отчаянных голов притягивал этот новый край! Самые неугомонные люди империи стремились попасть туда: предприимчивые купцы и расчётливые промышленники, неустрашимые исследователи, амбициозные офицеры... Однако этот край был также пристанищем для отчаявшихся. Проигравшиеся, разорённые, разочаровавшиеся в жизни – отщепенцы самого разного сорта стремились в эти знойные южные области, чтобы начать тут новую жизнь. Сюда ехали за повышенным жалованьем, за подвигами, за чинами и победами. Каждый надеялся получить ещё одну возможность бросить кости на доску судьбы, дабы вернуться обратно с триумфом, быть принятым при дворе, повесить на грудь боевую награду. Или скрыться на время от глаз беспощадного закона, с которым по каким-то причинам оказался не в ладах.

² *Фишю* – тонкая косынка из лёгкой ткани или кружев, прикрывавшая шею и декольте, согревая и обеспечивая пристойность облика. Однако нередко дамы использовали фишю так, чтобы платок скорее открывал или выгодно преувеличивал женские прелести, нежели скрывал их. Не следует путать фишю с канзу, косынкой или платком большего размера, который тоже закрывал шею и декольте, но концы которого перекрещивались на груди и завязывались на талии.

³ *Начальник населения* – чиновник или военный чин, обладающий административными полномочиями в отношении всего населения вверенной ему территории.

Попал в этот край и дворянин Подольской губернии, бывший помещик Ян Крашевский. Только, в отличие от многих, не по своему желанию. Чужая воля диктовала ему начинать новую жизнь в азиатском захолустье, не имея ничего за душой.

Крашевский не успел принять участие в польском восстании⁴. Мятеж прошёл мимо его губернии, но, когда остатки войск Эдмунда Ружицкого были разбиты и рассеяны под Мирополем, шляхтич дал кров нескольким повстанцам, приходившимся ему дальними родичами. Так он стал соучастником бунта и в том же году вместе с укрываемыми был арестован.

Царский указ заменил смертную казнь на десятилетнюю ссылку, однако земли и имущество Крашевского были конфискованы – в качестве штрафа за соучастие в мятеже.

Крашевский был свидетелем того, как сосланные вместе с ним на Южный Урал поляки и литвины – такие же мелкие помещики, как и он, обладавшие поразительным в их стеснённых условиях чувством шляхетской гордости, – постепенно опускались. Их врождённый гонор не вызывал сочувствия даже у людей их круга в запрятанном глубоко в брюхо империи городе Оренбурге. Не имея никаких средств к существованию, но при этом отказываясь поступать на службу к государю-захватчику, иные дворяне предпочитали наниматься приказчиками, управляющими, перебивались подёнщиной, а то и просто пухли с голоду и жили подачками своих соотечественников – тех, кому было позволено взять с собой хоть какое-то личное имущество. Последние поначалу жили на широкую ногу, поигрывали в карты, захаживали в местные клубы, посещали светские рауты и балы.

Среди них был и пан Крашевский, сумевший вывезти из своего имения немного золотишка.

И вот на одном из благородных собраний с картами и рулеткой троюродному брату Крашевского, завязтому мятежнику и поборнику восстановления Речи Посполитой, попался на глаза русский офицер, который не без гордости носил на груди бронзовую медаль с надписью: «За усмирение Польского мятежа». Надо ли говорить, как вспыхнул боевитый шляхетский дух, как благородные панские сердца воспылали яростью к действительному майору, проливавшему кровь их соотечественников! За словесной перепалкой последовал вызов на дуэль, и Крашевский сделался секундантом своего родича.

Всё бы ничего, обыкновенное дело, да только рана, нанесённая майору выстрелом, через некоторое время загноилась, и он скончался. Тут уж брат Крашевского, его последний друг в этом далёком краю и истинный польский патриот, не избежал виселицы, а Яна – благодаря заступничеству престарелого князя, у которого он нанялся репетиторствовать незадолго до происшествия, – выслали на дальние южные рубежи, видимо, в надежде, что там он и сгинет с лица земли.

* * *

За предшествующие два года отважный генерал Черняев сумел присоединить к владениям российского государя столько земель, сколькими империя не прирастала со времён освоения Сибири. Именно в это время в Туркестанский край прибыл ссыльный польский шляхтич Ян Крашевский.

Если до сих пор он сохранял хотя бы подобие дворянского достоинства, то трёхнедельное путешествие по однообразным степным дорогам на телеге, гружённой двумя семьями воронежских мужиков-переселенцев, выбило эту блажь из его головы. Теперь некогда франтоватый шляхтич носил потрёпанный, выцветший фрак и длиннополую поярковую шляпу, в кармане одиноко похрустывала двадцатирублёвая ассигнация, а в сундучке с личными вещами прело

⁴ Имеется в виду восстание 1863–1864 годов в Галиции и Волыни под предводительством генерала Эдмунда Ружицкого, поднятое поляками против господства Российской империи.

от степной жары сменное бельё и желтело рекомендательное письмо, которым его милостиво снабдил старый князь. Но, несмотря на тяжесть пути, Крашевский старался не унывать.

Станции представляли собой не более чем скопище полуземлянок-полумазанок, где проживали ямщики и обслуга из местных киргизят. Иногда в степи Ян наблюдал кочёвки киргизов, их кибиточные аулы, многотысячные стада баранов и табуны коней, за которыми присматривали некрасивые джигиты с искривлёнными спинами.

Чувствуя, что тупеет от жары и однообразия, поляк иногда мечтал, чтобы на их повозку напали местные головорезы: тогда он смог бы насладиться зрелищем, как двое казаков отразят сие предприятие или будут порублены в куски.

Нехитрый казачий конвой как бы придавал Крашевскому важности, хотя эти двое ещё в Оренбурге были приставлены для охраны, помимо его персоны, и почтового возка, что ехал чуть впереди. Впрочем, сами казаки утверждали, что нападение невозможно. Они преспокойно разговаривали с киргизами, которые выходили из каждого аула встречать почтовую кавалькаду, на их языке, шутили и пересмеивались, будто родичи или хорошие соседи.

– То ли дело впереди, пан хороший! – болтал казак со скуки. – Там, куды вы путь держать изволите, такие негодники бродят, что не токмо за лошадёнкой догляд нужен, а и за головой. Вра-а-аз сымут, кровопийцы! Так уж вы поостерегитесь.

– Ты не переживай, борода, – ответил Крашевский. – Чай, не барышню стережёшь. Будь у меня под рукою сабелька, я бы тебе показал пару выпадов.

– Ой ли? – заинтересовался добродушный уралец.

– Дык ведь это... Не положено... Ссылный ведь... – почесал под папашой второй казак.

– И чего, и джигитовать могёшь?

– А ты думал, любезный, за что меня к чёрту за пазуху упрятали? За то, что я княжескую дочурку соблазнил, а? – пошутил Крашевский, чем вызвал хихиканье крестьянок и замешательство их мужей.

– Можя, и обольстил, я того не ведаю, – хмыкнул казак. – Вона ты и персты не так складываешь, когда крестным знаменем себя осеняешь. Ишь, лукавец! Небось, старовер?

– Еретик, – подмигнул Ян, но и на сей раз не сумел смутить казака.

– То-то! Никакая вещь перед царём-батюшкой не утаится. Вот тебя и сослали сюды, грешного.

– Да ну тебя! – отмахнулся раздосадованный Крашевский, впрочем, не без смеха. – Башка у тебя чугунная.

– Энто известно. Прошлого году под Чикменем меня по головушке-то чокпаром⁵ и убаякали. Как душеньку не вышибло – диву даюсь. Батюшка наш, отец Андрей, бает, что это Господь уберёт меня, потому как на Воздвижение сие стряслось. А токмо с того времени я туточки, на тракте, службу несу. Отвоевался.

В повозке заплакало крестьянское дитя.

Казак улыбнулся сквозь нечёсанные усищи и затынул:

По камням струится Терек,
Плещет мутный вал;
Злой чечен ползёт на берег,
Точит свой кинжал;
Но отец твой старый воин,
Закалён в бою:
Спи, малютка, будь спокоен,

⁵ Чокпар (шокпар) – палица, булава (казах.).

Баюшки-баю...⁶

Наконец достигли Арала и дальше двинулись вдоль полноводной реки Сырдарьи. Поочередно миновали несколько безымянных русских укреплений, а за ними лежал форт Перовский и священный Туркестан.

Появилась тревожность. Коменданты крепостей, к которым неизбежно заглядывал Крашевский, дабы отметить и оставить часть почты с газетами, в свою очередь делились с ним новостями, или *хабаром*, как здесь называли любые известия, слухи или байки.

В Туркестане комендант пригласил Крашевского отужинать с ним и, угостив шляхтича местной дичью, добытой отставными солдатами-переселенцами, рассказывал о последних событиях.

– Как же не слышали? По всему видно, назревает новая война. Эмир-то бухарский сильно шалит. Посольство наше задержал и, поговаривают, того... – комендант провёл указательным пальцем поперёк шеи, свесил язык набок и, изображая затягивание петли, подёргал кулаком поверх головы.

– Что за варварство! – приподнял бровь Крашевский.

Даже ему, у которого не было причин радоваться успехам русской дипломатии, подобное нарушение норм казалось дикостью.

– Так вы, господин Крашевский, недавно из Европы. Там сие и правда считают варварством, а здесь это в порядке вещей.

– Это достоверно известно?

– А то как же! Эмир, говорят, войско собрал да двинул его на Ташкент. Вот в какое дьявольское пекло вас ехать угораздило. Но что поделаешь, вы человек подневольный, – комендант оглядел собеседника и, несмотря на поношенную штатскую одежду, намётанным глазом определил в нём человека, не чуждого военному делу. – Сами-то не желаете послужить государю и Отечеству? Добрым офицерам у нас всегда местечко найдётся. Ежели проявите себя – чин получите, а там, глядишь, и смягчат приговор. Домой отпустят.

Комендант глядел на Крашевского из-под бровей, будто оценивая, но при этом чувствовался в его взгляде намёк на отеческую заботу. Именно потому, что не ожидал от него ничего худого, Ян ответил прямолинейно:

– Служить государю-захватчику для польского шляхтича всё равно что преподнести дьяволу душу на блюде. Уж простите мою откровенность, пан комендант, но я предпочту побираться возле басурманских святынь вместе со здешними курильщиками гашиша, чем надеть мундир...

– Не наговорите лишнего! – жёстко прервал комендант, хотя в глазах его по-прежнему, помимо твёрдости, читалось участие. – Не вам судить о мундире русского офицера. Вы – мой гость, а потому прошу вас отведать здешних сладостей. Это жаренное по степному рецепту тесто – баурсаки. Ночевать оставайтесь у меня. Как видите, я проживаю один, вы меня не стесните... А наутро извольте убираться вон.

Крашевский даже удивился. Он не ожидал от коменданта захолустной крепостцы, явного неудачника, который ещё утром с жадностью изучал оренбургские газеты полугодичной давности будто Святое Писание, – такого благородства. Откуда ему было знать, что сидевшему перед ним офицеру доводилось участвовать в делах, о которых он мог читать разве что в рыцарских романах, и бывать в настолько блистательном обществе, что взревновала бы вся польская магнateria⁷.

⁶ Лермонтов М. Ю. «Казачья колыбельная песня» (1838).

⁷ *Магнateria* – это высший, самый богатый и влиятельный слой шляхты в Королевстве Польском, Великом княжестве Литовском и Речи Посполитой, олицетворявший магнатство как сословие.

Больше десяти лет назад в Крыму этот потрёпанный на вид человек вместе с несколькими солдатами сдерживал натиск целого полка французского генерала Пелисье, пока не кончился боеприпас. Они готовы были броситься в штыки и умереть на развалинах изуродованной башни Малахова кургана, но тяжёлая контузия повлекла за собой неизбежный, но престижный плен. Севастополь пал, Пелисье был произведён в маршалы и наделён титулом герцога Малаховского, а пленному русскому подпоручику, которого генерал поставил в пример своим людям, был пожалован орден Почётного Легиона. Но и этот заслуженный венец не стал апогеем его истории в плену. Русский офицер отказался от ордена, пожалованного самим императором Наполеоном, чем и обрёк себя на немилость до возвращения домой, в Россию.

Шляхтичу осталось испытать чашу унижения до дна, оставшись в доме коменданта и не перекинувшись с ним более ни словом. Он отведал степного лакомства, не отказался от чарки молдавской кислятины, почитавшейся здесь за деликатес, и, кивнув на прощание, отправился спать. Это были тяжёлые часы для вспыльчивого и прямодушного поляка.

Теперь так будет постоянно, с горечью думал Крашевский. Он не смел ни с кем открыто поссориться, не мог проявлять свою спесь, и даже в праве защищать свою дворянскую честь ему было отказано: его лишили права носить оружие. Всё, что он мог, – это подраться на кулаках в какой-нибудь местной харчевне, будто развязный мужик.

Он усмехнулся было такой мысли, но уже на следующей остановке, в городе Чимкенте, где его конвоир-казак год назад получил ранение в голову, был вынужден задуматься об этом всерьёз.

Ему уже осточертели однообразные азиатские виды, так что он даже не пошёл осматривать местные достопримечательности: басурманские святыни, могилы каких-то деятелей древности – и даже не посетил домик местного коменданта, где мог бы поужинать и с удобством расположиться на ночлег.

Вместо этого Крашевский решил кутнуть на постоялом дворе и даже, если получится, пропить все деньги.

Он сел за единственный столик, видно, поставленный специально для русских, заказал еду и стал ждать.

– А! – рявкнули где-то позади него.

Грохот раскатился по всей маленькой мазанке с тремя стенами и навесом из тростника. Даже дородный, с выпуклым брюхом повар весь всколыхнулся, а Крашевский – тот едва не подпрыгнул на стуле.

– А! – повторили уже менее грозно. – Из Оренбурга?

Ян понял, что обращаются к нему, и обернулся.

Перед ним стоял уса́тый мужчина примерно одних с ним лет, в гусарском доломане, небрежно расстёгнутом и довольно пыльном. Высокие кавалерийские сапоги были надеты поверх чёрных чакчир⁸, а под рукой у хамоватого господина красовался кивер с огромной кокардой.

– Оттуда, – спокойно подтвердил поляк.

– А! – в третий раз рявкнул гусар и щелчком пальцев поторопил повара-туземца.

На дотоле нерасторопного, если не сказать ленивого сарта⁹ щелчок подействовал почти магически.

– Виноградной! Честь имею, корнет... Хм... То бишь бывший корнет Александрийского гусарского полка, а ныне пехотный поручик Иван Кирсанов.

⁸ Чакчиры (чикчиры) – форменные узкие брюки (рейтузы), обычно украшенные шнуром или галуном, часть военного костюма гусар и улан. У каждого полка чакчиры были своего цвета. Чёрный – цвет Александрийского гусарского полка.

⁹ Сарт – название оседлых жителей Средней Азии в противоположность кочевым.

– Извольте... – Крашевский представился и указал на стульчик рядом, впрочем, запоздало.

Кирсанов сел, не дождавшись разрешения.

Повар подал наконец водку и закуски, которые корнету, а точнее поручику, приносили без предварительного заказа.

– Тёзка! Ну-с, тогда будем на «ты», – сказал поручик с обезоруживающей улыбкой. – Не возражаешь?

– Что ж, если манеры ваши допускают подобное обращение, то я буду с вами на «ты», – ответил Крашевский и улыбнулся не менее приветливо.

От Кирсанова разило так, будто он с головой окунулся в бочонок спирта, и шляхтич решил не искать с ним ссоры, ибо сегодня намеревался довести себя до ещё более скотского состояния.

– Твоё здоровье!

Крашевский налил полные стаканы, и новые знакомые выпили.

– Куда путь держишь, любезный? – спросил поляк.

– Думаю сделать остановку в Ташкенте, а потом – в войска. Слышал новости? Говорят, эмир собрал у своего стремени несметное войско и решил снова попытать удачи. Ну даёт, не находишь, милостивый пан? И чего ему не сидится в своём гареме, а? Будь я на его месте, ей-богу, совершал бы визиты в это дивное место каждодневно. Едва ли мне было бы до войны и каких-то походов!

– Вижу, здесь все дороги ведут в Ташкент.

– А то как же! Говорят, на тысячу вёрст вокруг только там можно отыскать бутылочку шампанского. Ну как, условились, что у нас с тобой всё по-простому, без церемоний?

– Будь по-твоему, пан поручик.

– А дабы закрепить наш уговор – наливай!

И Кирсанов сам налил два полных стакана, опустошив штоф на три четверти.

– Начинай, запевай песню полковую! Наливай, выпивай чару круговую! Твоё здоровье!

Крашевский, дабы не упасть в глазах своего нового знакомца, выпил до дна. «Что за человек – чистый порох! – думал шляхтич. – Пых и взорвал всё вокруг!» Ладно, такая компания ему и требовалась, чтобы напиться до беспамятства.

После новоиспечённые приятели долго бродили по ночному городку, распевали песни, балагурили, чем немало потревожили покой местных жителей. Но им было всё равно. Крашевский выучил несколько похабных песен, наслушался историй о подвигах «чёрных гусар», как именовали себя александрийцы, и поклялся завтра же отпустить усы. Кирсанов, в свою очередь, несколько раз высказал сожаление, что не имел удовольствия участвовать в Польском восстании – причём на стороне мятежников, – ибо честь не позволяла ему изменить присяге.

Наутро, помимо жуткой головной боли и сухости во рту, напоминавшей о здешних соляных степях, испещрённых трещинами, Крашевский обнаружил хозяина постоянного двора, нависшего над ним, будто кречет. Тот настырно теребил ссыльного, тараторил что-то и, похоже, ругался. Спросонья Крашевский даже не успел возмутиться таким вторжением в его комнату, а только оделся и последовал за хозяином.

Тот предъявил ему какой-то поистине невозможный счёт, где значилась сумма за ночлег в двух комнатах, обильный ужин и водку, а также за четыре пучка клевера и ведро ячменя. Повозка, на которой ехал Крашевский, была пристроена на чимкентской станции, так что он, борясь с похмельем, даже спросил себя, уж не заказывал ли он конский корм только ради пьяной потехи. Он был также наслышан о всяких хитростях, применяемых туземцами по отношению к любому человеку европейской внешности, и заподозрил хозяина в мошенничестве. Несмотря на мучительное похмелье, Ян был готов чем-нибудь размозжить обритую голову настырного сарта.

Но тут на узкой улочке показалась его повозка, знакомые лица переселенцев и казаки.

На сей раз, помимо двух конвойных, рядом с повозкой гарцевал на откормленном, мускулистом карачаевце светло-гнедой масти поручик Иван Кирсанов.

– Вы уже рассчитались с нашим добрым хозяином, мой друг? – спросил он и, не дав поляку вымолвить и слова возмущения, добавил: – Скорей же, скорей! До Ташкента добрых сто пятьдесят вёрст. Поедем вместе, пан разлюбезный!

Крашевский наконец сообразил, что поручик пировал за его счёт, а потом устроился на ночлег сам и коня своего пристроил на том же постоялом дворе. Забавно, но то, что Кирсанов поучаствовал в растрате денег, которые Ян прежде полагал растянуть на месяц, и то, как спокойно он в этом сознавался, выдавали в нём человека, не чуждого дворянскому шику.

Так началось их знакомство.

В пути Кирсанов рассказывал разные байки и весьма нелестно отзывался о боевых качествах орд азиатских владык. Впрочем, малочисленность русских войск в регионе также его смущала.

– По сию пору у нас имелся один враг – кокандский хан. Но тут и эмир Бухары вздумал рассориться с нашим бравым генералом Черняевым. Каждый из этих царьков может выставить до пятидесяти тысяч конницы.

– Вот как! – не переставал удивляться Крашевский.

Присутствие Кирсанова и его рассказы о происходящем в Азии развлекали Яна, хотя он и не всегда верил байкам бывшего гусара.

– Ещё бы! Вот тебе крест, дружище! В Ташкенте больше ста тысяч душ да гарнизон стоял тысяч в десять. А его высокоблагородие генерал Черняев сумел забрать этот город с двумя тысячами наших, да ещё двумя – киргизской союзной конницы. Каково? Русский воин привык не считать, а бить врага!

– Полно, любезный. Не верю.

– Да и Бог с тобой, милостивый пан, это и не важно. Говорят, будто подвинули нашего нового Искандера¹⁰, – продолжал Кирсанов, имея в виду Александра Григорьевича Черняева. – Так что мы поступим в распоряжение нового генерала, прибывшего сюда за орденами, сохрани его Царица Небесная. Говорят, нижние чины и обер-офицеры здесь – люди доблестные. Куда пошлют – туда и идут, а не пошлют – так сами берут! Ха! Вот это мне по душе! Развернёмся здесь, Ян, ух развернёмся!

Накануне, когда поручик объявил себя сочувствующим национальному движению Польши, Крашевский, дабы не остаться в долгу, с пьяной головы пообещал поступить на службу в русские войска. Это были пустые слова двух гуляк, но наутро, как ни пытался Крашевский возмутиться своим же поведением или неосторожными словами попутчика, это ему не удавалось. Он был рад встретить в этой глуши человека одного с ним круга – дворянина, хоть и русского офицера.

– Скажи, а как так вышло, что тебя попёрли из гусар?

Кирсанов бросил на поляка уничтожающий взгляд, и тот не замедлил полыхнуть глазами в ответ. Но поручик удовлетворился этим немым поединком и захохотал.

– А, старая история! Засиделся, знаешь ли, в тылах! После Крымской для нас никакого дела не было, сидели куковали под Петербургом. Разве что на парады выезжали. В общем, надоела мне эта мишура, вот я и попросил великого князя о переводе...

– Очаровательно! Стало быть, ты знаком с цесаревичем? – не без издёвки спросил Крашевский.

Он был уверен, что гусар немало гордится знакомством с наследником престола, и оказался прав.

¹⁰ Искандер – тюркское имя Александра Македонского, почитаемого в Азии греческого завоевателя.

– Был вхож, как же... Да только их императорское высочество изволили на меня разгневаться, ведь я намеревался покинуть столицу и лишиться их моего общества. Вот и сослали меня в самую глушь, отлучили от своих милостей. Ей-богу, не вру!

Простота и открытость Кирсанова подкупали. Одно слово – гусар. Крашевский без всякой злости тихо посмеивался над распетушившимся поручиком. А когда Ян вынул последние несколько монет, которые хозяин постоялого двора оставил ему в виде сдачи, и попросил Кирсанова на ближайшей станции отправить казака за шкаликом водки, дружба двоих спутников скрепилась ещё пуще.

* * *

Вскоре прибыли в город, который должен стать местом ссылки Крашевского и его домом на долгие годы.

Такого многолюдства Ян не припоминал даже на оренбургских ярмарках. Сарты, киргизы, таджики, персы, китайцы и, конечно, русские населяли этот дивный муравейник. Редкие монументальные здания, сплошь религиозного назначения, высотой превосходили столетние чинары; всюду раскинулись плодовые сады, слышалось журчание арыков, доставлявших воду в это зелёное великолепие. В переулках местные подростки нещадно лупили мятежных ишаков, а посреди улицы почтенный сарт в шёлковом халате пытался словом урезонить своего верблюда, загородившего проезд веренице повозок.

За обломками старой крепостной стены стучали топоры, слышалась русская брань – в слободке строили казармы. Несколько солдат в белых полотняных косоворотках несли в ту сторону свежееобтёсанный деревянный крест высотой с двухэтажный дом.

Крашевский соскочил с повозки и, даже не подумав попрощаться ни с кем из крепостян-попутчиков, в обществе которых он провёл почти целый месяц, пошёл за конвойным казаком в штаб.

– Кто таков? – спросил его фельдфебель с испитым лицом.

Вокруг царила неразбериха. В дом то и дело вбегали нижние чины, кричали, хватали что-то и выбегали вон. А фельдфебель, хоть взгляд его беспокойно прыгал по сторонам, сидел на стульчике перед регистраторским столом расслабленно, как будто только что, опохмеляясь, опрокинул в себя шкалик.

– Дворянин Каменец-Подольской губернии Ян Крашевский. Ссылный, – ответил поляк.

Унтер-офицер заинтересовался. После короткого усилия взгляд его сосредоточился в одном направлении. Он оглядел пришельца, как бы оценивая, что за птица перед ним.

– Ссылный? За какие ж такие грехи вас сослали в наш райский уголок?

Теперь Ян оглядел фельдфебеля с интересом. Он стоял перед столиком и смотрел на унтер-офицера сверху вниз. Посреди царящей суматохи только они двое сохраняли спокойствие. Крашевский решил ответить.

– Что ж, любезный, если это вас интересует – извольте. Сослан я за посильное участие в освободительном движении Речи Посполитой.

Ни гонор, с каким поляк произнёс эти слова, ни его гордо выпрямленная спина, ни высокомерно задранный подбородок ничего не сказали унтер-офицеру. Кроме того, Крашевский сам ещё не осознавал, как мало он теперь походит на утончённого бледнокожего аристократа, которым привык быть.

– Тью! – произнёс фельдфебель. Но тут же поинтересовался искренне: – И как, освободили?

Рука поляка привычно потянулась к поясу, где давно не было оружия. Марать же руки о какого-то мужика, пусть и унтер-офицера российской армии, стало бы для пана ещё большим бесславием, чем промолчать. Ценой больших усилий он подавил желание обрушить стол на

голову фельдфебеля, при этом с горечью отметив, что дух его стал привыкать к подобным унижениям.

– Боюсь, приятель, если бы моя славная отчизна подняла свои знамёна, ты бы сейчас не так наслаждался жизнью.

– Хм, и то верно, – спокойно согласился фельдфебель. – Туточки потеплее будет, нежели в твоём Подольске.

Крашевскому оставалось только похвалить себя за сдержанность, ибо он вдруг осознал, что перед ним сидит чистой воды идиот.

– Так вот, любезный, для начала укажи-ка мне, где найти начальника населения. Мне нужно квартироваться, – сказал Крашевский.

– Его благородие Саблина? Этого никак не можно, пан... Как вас там? – тут фельдфебель расхохотался. Ему так понравилась случайная рифма, что он обернулся в поисках благодарной публики.

Крашевский дождался, пока этот кретин отсмеётся.

– Бумаги-то у вас имеются? – наконец вернулся к делу унтер-офицер.

– У меня имеется назначение на жительство, которое я должен показать пану Саблину.

Но для начала...

– Тю! Что у вас там, в этой Речи, как бишь её... Соплитой?.. ничегошеньки не ведают? Здесь война, пан как вас там! Войска наши убыли воевать эмира, и, упаси Господь, говорят, их там изрядно потрепали. Сарты разносят слух, будто бы и вовсе разбили наши войска... Вот его благородие Саблин и убыл в разъезд по окрестностям, дабы толки сии развеять. Посему вам лучше поискать нашего батюшку – отца Андрея.

– Кого? Попа? – удивился Крашевский. – Но позвольте... Зачем мне поп?

– Как же, свечку поставите. Помянете души христианские.

Крашевский усмехнулся, показав стройный ряд крупных зубов. Он смотрел на унтер-офицера, округлив глаза, и диву давался.

– Пресвятая Богородица! Скажи-ка мне, любезный, где тут можно выгодно купить осла? Гляжу, в вашем краю этих животных так ценят, что даже берут на службу в штаб.

– Как? Где осёл? – фельдфебель оглянулся по сторонам, но вскоре понял, что над ним насмеются. – Что? Меня – ослом?! Да я тебя!.. – он упёрся руками в стол и начал медленно подниматься, глядя со злостью в сине-фиолетовые глаза обидчика.

Впрочем, завершив этот манёвр, он обнаружил, что, даже встав во весь рост, достаёт поляку разве что до подбородка. Следующее обстоятельство и вовсе умерило его пыл. Крашевский, вроде как по-дружески, опустил ему на плечо ладонь, и это скорее походило на лёгкий удар пернач¹¹.

– Тише, любезный, – поляк по-прежнему улыбался, но во взгляде его было что-то, от чего фельдфебелю сделалось не по себе. – Мне тебя раздавить – что соплю размазать.

Пальцы сжались на плече унтер-офицера, и тот снова опустился на стул.

– Я ведь вам добра желал, ваше благородие... – засопел он. – Чего ж вы накинулись-то коршуном? Небось, подумали, что я веру вашу не уважил – к православному попу направил? Так ведь ксендза-то у нас нет больше. Был, да помер от кишечной колики сразу после Страстной недели. А к нашему отцу Андрею здесь каждый ходит – кто за советом, кто за благословением...

– Что ж, любезный, из уважения к твоей важной службе я тебя оставляю с Богом. Вижу, пока армия ваша воевать ушла, ты в тылу себя не жалеешь.

Яну с трудом верилось, что шайка какого-то восточного царька могла одолеть русские войска, недавно успешно громившие ополчение, возглавленное польской шляхтой. Тем более

¹¹ Пернач – ударно-дробящее холодное оружие, небольшая булава с металлическими перьями на головке.

что за последние три недели он наслушался самых невероятных историй о подвигах русского воинства, о том, как сотня одолевала тысячи, как русские с наскоку брали неприступные крепости и рассеивали по степям целые орды неприятеля. Подтверждением таким рассказам был этот огромный город, сравнимый по населению с его милой Варшавой.

И всё же Крашевский – который хотя и не служил, но был, как все шляхтичи, обучен азам военного дела, сабельной рубке и конной выезде – не до конца верил рассказам о геройстве и удали русских, в том числе и потому, что только от них самих об этом и слышал.

Оставив фельдфебеля с угрюмыми мыслями и больным плечом, Ян вышел на узкую улочку, на которой располагался штаб. Это здание, как и многие другие здесь, состояло из кусков глины и навоза, хаотично наклепанных на снопы тростника. Крыша была камышовая, и поляк удивился, как весь город не объяло пожаром, когда его штурмовали солдаты Черняева, ведь одной искры хватило бы, чтобы эта и сотни других крыш, высушенные солнцем, полыхнули одновременно.

«А где, чёрт его дери, этот шут Кирсанов?» – успел подумать Крашевский, и тут его очи приковало к себе дивное видение.

В гомонящей и орущей толпе темнокожих туземцев, между кучками разных оборванцев, наперебой стремящихся надуть легковверного прохожего, среди назойливых возгласов: «Аман, рус, аман!», «Рус, бакшиш бер!» и прочей азиатской дикости плыла по воздуху *она*.

В простом белом сарафане, украшенном воздушными кружевами, под почти прозрачным зонтиком, которым она пыталась укрыться от яркого солнечного света, но едва ли ей это удавалось. Крашевский ясно видел, как светились её белые очертания среди окружающего жёлтого, грязного марева, как волнами океана плескалась синева её глаз. Он услышал, как весёлым тоненьким колокольчиком прозвенел её смех – и как гулко застучало его собственное сердце. Базарные толпы расступались перед ней, как перед королевой, но гибкие ручки, облачённые выше локтя в ажурные перчатки, протягивались то в одну, то в другую сторону, и нищие, похожие на тёмные размытые пятна, робко подходили и подставляли ладони для подаваний.

Как пёс, от жары занырнувший в глубокую лужу, Крашевский сладостно смежил веки и взъерошил патлатую голову. А когда он снова открыл глаза, то понял, что Мадонна ему не привиделась.

За красавицей шлейфом тянулись самые разные люди. Рядом с ней бежали несколько мальчишек, по виду киргизят, которые несли какие-то сумки и свёртки, а дальше гуртом шли, судя по всему, сарты с тяжёлыми разноцветными чалмами на головах и в неизменных полосатых халатах, по которым можно было узнать, кто они и откуда. Крашевский успел отметить, что ташкентцы, да и вообще оседлый городской люд повсюду в этих землях отдаёт предпочтение именно такому одеянию. Кирсанов как-то рассказывал, что русские офицеры, вернувшиеся из Туркестанского края, даже в шутку называли войска неприятеля «халатниками» – настолько распространённым был этот наряд среди ополченцев азиатских ханств.

– Это просители, – подсказал голос сбоку.

Он принадлежал человеку, тоже одетому в один халат поверх другого. Нижний, запахнутый на животе, был из шёлка, а верхний, парадный, – из благородного тёмно-зелёного кашемира, но не в полоску, как у здешних жителей, а с вышитым золотистым узором. Невысокая голубая чалма говорила о принадлежности к купеческому сословию, но Крашевский, оглядывая случайного собеседника, ещё этого не знал. Человек явно был богат, от него пахло благовониями. И хотя он был моложе поляка, но благодаря недлинной аккуратной бороде, окрашенной в иссиня-чёрный цвет, ровному медному цвету лица и чёрным, подведённым сурью бровям, проступало в нём что-то сродни благородству.

На лице горит созвездье у красавицы моей,
Иль то сблизился Юпитер с Солнцем

в пламени лучей?

Крашевский понял, что стоящий рядом с ним достойный сарт так же, как и он, любовался дивным видением и без всякой претензии, вполне по-рыцарски, восхвалял её красоту.

– Очаровательно, – ответил поляк.

– Он посвятил стихам всю радость жизни. Это Навои¹², – ответил сарт.

«Значит, и среди туземцев есть образованные люди, не чуждые искусству!» – подумал гордый поляк.

Мужчины, убедившись, что достойны общества друг друга и оба являются лишь восхищёнными наблюдателями, вновь направили взоры на девушку, столь ярко выделявшуюся в шумной толпе базара.

Один из торговых рядов как раз примыкал концом к той улочке, на которой располагался штаб русского гарнизона, возле которого стояли Крашевский и сарт. Перед штабом сидели на корточках лицом к лицу двое солдат, по всему видно, охранявших его. Ружья они уложили между ногами поперёк прохода, как бы закрывая его, и, попыхивая трубками, что-то бурно обсуждали.

А красавица приближалась, вероятно, решив дойти до конца торгового ряда, чтобы не обидеть ни одного из лавочников. Это был посудный ряд. Торговцы, всегда крикливые и назойливые, выскакивали из-за прилавков и, развесив прямо на себе самые пёстрые и яркие товары, демонстрировали их покупателям.

Барышня протягивала ручку, оглаживала фарфор пиал, со знанием дела тёрла металл чайных ложек и иногда грозила пальчиком завышавшему цену продавцу. Видно было, что её все тут знают, ибо на таких лавочников тут же набрасывались окружающие, и тем приходилось подобострастно молить о прощении.

Казалось, все вокруг её любят, завсегдатаи базара толпились вокруг неё и давали непрошенные советы насчёт добротности товара, предлагали свои услуги переводчиков, а один ташкентец даже приволок откуда-то опухавший и размахивал им возле красавицы. Сопровождавшие её мальчишки-носильщики взяли на себя обязанности телохранителей и отгоняли от неё нищих, детей-зазывал, работавших в лавках своих отцов, и, возможно, мелких воришек. Тому из лавочников, кому удавалось продать прелестнице хоть какую-то мелочь, предстояло весь вечер пребывать в центре внимания и по многу раз пересказывать в чайхане, как он достойно вёл торг и как дивная пери благосклонно с ним говорила.

Наконец она дошла до конца ряда и остановилась у последней лавки. Крашевский мог слышать трель её голоса, и ощущение блаженства овладело им совершенно.

– Помилуйте, сударь! Разве это соусница? Ведь это чашка для варенья, – прощепетала красавица, надув губки.

Тут же раздался хор голосов, будто полководец бросил боевой клич, и ему вторили взбодраженные войска. На лавочника набросились с упрёками:

– Эй, Азиз, проклятый уйгур! Зачем ты обманываешь благородную Лейли?

– Возвращайся в свой Кашгар и дурачь тамошних язычников! А здесь, в славном Ташкенте, мы тебе этого не позволим!

– О перл моей души, оставь этого проходимца! Пусть Аллах покарает его за мелочность. Направь свои хрустальные стопы в мою лавку. У меня есть соусница, которой позавидуют при дворе самого великого ак патши!¹³ – начал зазывать другой продавец, и все вокруг, тут же забыв про несчастного уйгура Азиза, набросились с руганью уже на него.

¹² Алишер Навои (1441–1551) – средневековый тюркский поэт.

¹³ Ак патша (тюрк.) – белый царь, наименование русского царя у тюркских народов.

Среди этого разноязыкого гвалта слышались сартские наречия, китайский гомон, певучая арабская речь, отрывистые сочные киргизские ругательства. И было удивительно, как все друг друга понимали, ибо за выкриком следовал выкрик, за мягким словом – поток ещё более ласковых излияний, а она, будто райская гурия, правила в этом диком водовороте голосов.

– Оставьте, господин Махмуд-бек, этот милый торговец не хотел меня обмануть, – бросила девушка какому-то боевитому мужчине, затем обернулась к другому: – Арслан-мирза, буду вам признательна, если вы пришлёте свои чайники ко мне домой. Мы с тётушкой осмотрим их и решим... Ой, миленький! – она погладила по голове мальчика лет семи и, сунув мелкую монетку в его ручонку, сказала: – Пойди купи себе булочку и передай от меня привет пловчи¹⁴ Пир-Мухаммеду.

К своим двадцати пяти годам Крашевский побывал во многих странах просвещённой Европы, водил дружбу с высокомерными купцами Британии, правившей морями, znalся с утончёнными французскими дворянами, с прогрессивными германскими промышленниками и как-то раз даже был принят – в свите Юзефа Высоцкого¹⁵ – при дворе итальянского короля. Он был не из робких юнцов, красневших при появлении девиц и пылавших от мимолётного прикосновения губами к дамской ручке. Но теперь он растерялся, уши его горели, спина предательски зачесалась в недоступном месте. Ноги подкашивались от усталости, многодневный путь в грязной неудобной повозке вдруг сказался на всех членах. Словом, Ян чувствовал, что выглядит как совершенный дурак.

Он оглядел свои жалкие, пропитанный пылью штаны, сюртук, прожжённый многочисленными искрами от полевых костерков, свою измятую, нелепую шляпу, укрывавшую его от степного солнца. Лучики морщин у внешних уголков глаз, дотоле придававшие ему вид человека зрелого и бывалого, теперь смотрелись как следы лишений и немолодого возраста. Крашевский поморщился и словно каким-то шестым чувством ощутил пустоту в карманах: понял, что нет у него с собой визитной карточки, чтобы, как полагается в приличном обществе, отправить её барышне с просьбой быть принятым, и никогда больше этих карточек у него не будет. Он с горечью понял, что недостоин даже стоять рядом с этой юной дамой, так как от него разит мужичьём, и разве что отсутствие чалмы на голове отличает его от десятков толкущихся вокруг дервишей и нищих, и потому он не посмеет подойти и представиться ей.

Вместе с этими неприятными ощущениями вдруг проснулся голод, напоминая об отсутствии не только визитной карточки, но и денег, что ещё сильнее уязвило шляхетскую гордость. Но раньше, чем горестный вздох успел перейти в стон отчаяния, в душе шляхтича, словно спичка, пыхнула спасительная мысль, вновь пробудившая неукротимую польскую гордыню: «Да чтоб этого проклятого Кирсанова поджарили в адовом котле! Я пропил с ним последние двадцать рублей, а мог бы купить себе фрак или, на худой конец, приличный халат в полоску, как у этих вездесущих сартов!»

Злость, как известно, является мощным мотивом и быстро придаёт решимости к действию. А Ян успел люто возненавидеть своего приятеля и свалить на него все свои беды, мигом избавившись от гнетущего стыда. И это тут же придало ему сил, а главное – храбрости.

– Пресвятая Богородица! Чо вуольно шляхчие, то ние тобье смродзие!¹⁶ – воскликнул он и мысленно обругал себя за то, что стал считать какие-то жалкие рубли. – Кто эта Венера?

Поляк не ждал ответа, совершенно позабыв о сарте, который стоял рядом с ним и вдруг ответил:

– О! Эта прекрасная пери – племянница начальника населения Саблина. Госпожа Лиза.

¹⁴ *Пловчи* (тюрк.) – мастер приготовления плова.

¹⁵ *Юзеф Высоцкий* (1809–1873) – польский генерал, участник двух восстаний в Польше (1830 и 1863 годов) и Венгерской революции 1848 года.

¹⁶ Что позволено шляхтичу, то не позволено смерду! (*польск.*)

Крашевский будто впервые увидел своего *vis-a-vis*, оглядел его, как опытный лошажник оценивает покупного коня, задрал нос и отвернулся, как будто удивлённый, что этот туземец – между прочим, выглядевший гораздо лучше его самого, – умеет говорить.

Поляк по-прежнему сомневался, имеет ли он право подойти к прекрасной барышне и занять её время. Он остро сожалел, что она не нуждается в его рыцарских услугах, поскольку помощников вокруг неё и так было в достатке.

Лиза дошла до конца торгового ряда, и процессия, следовавшая за ней, остановилась.

– Благодарю вас, господа, мы теперь как-нибудь сами, – сказала она и, поскольку шумный люд, стремившийся услужить ей, всё не расходился, добавила: – Нам теперь нужно успеть в караван-сарай Мата-базара. Господин Мехран обещал привезти индийский кашмир...

Впрочем, сказано это было скорее не для спутников, а для самой себя. Тем не менее большинство торговцев посудного ряда, казалось, потеряли к Лизе интерес как к покупательнице и только провожали её восторженными мужскими взглядами, что ревнивый поляк сразу счёл за непристойность.

Лиза прижала подушечку указательного пальца к губам, сдвинутые бровки выдавали задумчивость. Вероятно, она вспомнила ещё о каких-то тканях, украшениях, сладостях, румянах или белилах, коврах или кожах, которые в избытке продавались в той части дахи Кукча¹⁷, где располагался базар с указанным караван-сараем.

Внезапно сарт, стоявший подле Крашевского, сплюнул на землю и изрыгнул какое-то ругательство. Поляк понял это, поглядев на искажённое гневом лицо мужчины, дотоле отражавшее лишь благородное достоинство.

– Этот свинорылый перс Мехран, видно, решил украсть у меня всех покупателей! О Аллах!

Крашевский пожал плечами и отвернулся.

Между тем Лиза распрощалась со своей свитой и осталась только при двух мальчишках, которые несли её покупки. Ещё один, третий, ростом едва достигавший пояса девушки, степенно подошёл к Лизе и с глубоким поклоном указал на своего ишачка, которого вёл в поводу. Одет малыш был ровно как взрослые местные мужчины и тем отличался от двух других киргизят-носильщиков. Полосатый халатик укрывал его грудь, обриту голову венчала тибетейка, а довольно толстая палка заменяла ему камчу¹⁸. Судя по всему, мальчуган предлагал Лизе услуги перевозчика и ничуть не смущался присутствием носильщиков, у которых намеревался перехватить работёнку.

Киргизята глядели на конкурента по-волчьи, но девушка успокоила их: она вынула из крошечной сумочки здоровенную конфету и угостила ею перевозчика. Прижав распростёртую пятерню к груди поистине величавым жестом, сартёнок слегка кивнул головой и удалился не то в поисках нанимателей, не то чтобы похвастаться заработком перед голопузыми приятелями-неудачниками, которые кучками жались у стен домов, бездельничая или с визгом кидая асыки¹⁹.

Лиза же, в обществе двух мальчишек, отправилась дальше, и Крашевский, как заворожённый, последовал за ней по другой стороне улицы.

Шляхтич не переставал удивляться, как смело русская девушка одна расхаживает по городу, населённому, казалось бы, одними мужчинами, да к тому же иноверцами. Редко попадавшиеся женщины, которых поляк мог узнать разве что по плавной походке да бабьим смешкам из-под волосяных сеток, прятанных лиц, были закутаны в тёмно-синие паранджи до

¹⁷ *Даха Кукча* – западный район старого Ташкента, одна из четырёх частей, на которые город делился в древности.

¹⁸ *Камча* – традиционная плетёная кнут у тюркских народов и казаков, изготавливаемая из натуральной кожи.

¹⁹ *Асык* – вываренная кость коленного сустава овцы, барана, коровы или верблюда. Асыки использовались в распространённых на Востоке детских играх.

земли, их волосы, заплетённые то в две, то в пять кос, – сверху покрыты платками-урамалами, а позади обязательно следовала бочкообразная старуха, тоже горделиво закрывавшая лицо от бесстыдных мужских взглядов, которые мерещились ей одной.

Русская же красавица шла открыто, гордая и великолепная, приковывая к себе все взгляды и ничуть не смущаясь.

Крашевскому становилось не по себе. Ведь одно дело – гулять без сопровождения мужчин на базаре возле русского штаба, но совсем другое – углубляться в этот странный город, полный запахов жаренного на углях мяса, специй и масел, чудных звуков вроде песен дервиша, привлекавшего прохожих историями о стародавних героях, мелодичных стихов Корана, которые на каждом углу декламировали юродивые и нищие, или ритмичного стучания ладоней музыкантов по маленьким бубнам-дойрам.

Мысли об опасностях, грозящих прелестной даме, раззадоривали поляка, как запах свежей травки – молодого жеребчика. В уме Ян отчаянно искал повод подойти к красавице, представиться и в ответ увидеть приветливую улыбку, ради которой он уже готов был на всё. Он жаждал любого происшествия, которое позволило бы ему предложить Лизе свои услуги...

И тут, как будто Господь услышал чаяния поляка, началась какая-то суматоха. Издалека послышались отрывистые крики, и все обернулись в сторону крепостной стены, разрушенной в нескольких местах войсками генерала Черняева. Оттуда послышалась гулкие барабанные удары. Где-то тревожно взвыли трубы.

Крашевский с растущим ужасом припомнил слова фельдфебеля, и его обуяла тревога. Ведь, судя по тому, что он слышал, передовые отряды многотысячного войска бухарского эмира после разгрома русского войска вполне могли двинуться сюда для занятия Ташкента... Много чего может произойти на войне. Ян вдруг осознал, насколько ничтожен сейчас здешний русский гарнизон в пару сотен раненых, больных и увечных солдат и казаков, насколько лживыми могли быть рассказы офицеров об их славных победах.

Кто-то завизжал. В одной из лавок что-то грохнуло и, будто запустив цепную реакцию, раздался лязг металла, колокольный удар медного таза, упавшего на пол или на голову какого-то лавочника.

– Аллах, Аллах!.. – слышалось издалека.

Сердце Крашевского колотилось почти в такт бою далёкого барабана, знаменовавшего что-то страшное, а в руках не было ни сабли, ни пистолета, ни даже плети.

Обезумевшие туземцы разбежались в разные стороны и вопили что-то нечленораздельное.

В конце улочки показались несколько всадников, впереди которых шёл вооружённый воин с саблей наголо. Это ему принадлежал мощный голос, воинственно взывавший к прохожим. Блеск кольчуги, длинное ружье за спиной и султан из конского волоса на шлеме сразу отличали этого воина от мирных горожан, большинство которых, едва завидев его, старались убраться подальше.

Однако некоторые следовали за ним и, словно эхо, вторили его словам. За всадниками образовалась толпа человек в тридцать, словно они только и ждали повода нарушить мирное течение жизни. Среди них шагал потный гологрудый барабанщик и шли ещё несколько человек, попеременно трубивших в рога, выдувая из них дьявольские, устрашающие стоны.

Неподалёку от Крашевского упал камень. За ним последовали другие, довольно увесистые, которые падали в опасной близости от людей и животных.

Сердце поляка дрогнуло, когда он увидел Лизу, испуганно прижавшуюся к стене дома на обочине. Возле девушки остались только двое мальчишек-киргизов, самоотверженно державших покупки. Они жалась к её юбке, а она инстинктивно пыталась их закрыть собою. Тут к ним подбежал тот самый сарт, что недавно стоял рядом с Крашевским у штаба. Он бесцеремонно схватил Лизу за руку и потянул в какой-то переулок.

Первой мыслью шляхтича было, что на барышню совершено нападение. Он грязно ругнулся на себя за свою минутную слабость и ринулся к девушке, а между тем залп камней и какого-то хлама со стороны конного отряда сделался ещё кучнее. Ян свернул в переулок, готовый голыми руками разделаться с негодяем.

И тут он услышал слова сарта:

– Вам надо бежать, госпожа! Это посланец диванбеги²⁰ самого эмира! Аллах всемогущий, это страшные люди! Они не щадят даже правоверных!

Крашевский схватил было говорящего за плечи, но за ним увидел Лизу, которая не выказывала никакого страха. Разве что некоторая растерянность, смешанная с досадой, читалась на её лице. Казалось, они с сартом были знакомы.

Прежде чем поляк успел хоть что-то произнести, сарт его опередил:

– Как хорошо, что вы здесь, господин! Немедленно уведите госпожу к штабу! И пошлите гонца в солдатскую слободу за подмогой, а не то у штаба соберётся такая толпа, что двое ваших солдат едва ли их сдержат!

Поняв, что сарт не представляет опасности, Крашевский смерил его презрительным взглядом и повернулся к девушке.

– Припадаю к вашим ножкам, ясновельможная панна! – он отвесил галантный поклон и, завернув левую руку за спину, выпрямился, задрал подбородок.

– Здравствуйте... – Лиза кивнула и не успела спрятать испуганных глаз.

Сарт был непреклонен:

– Надо спешить! Идите же, во имя Аллаха! Уходите!

Он вложил ручку Лизы в ладонь Крашевского, подтолкнул вперёд двоих мальчишек и с видом, не допускающим никаких возражений, выгнал всю компанию на улицу. Поляк, который чувствовал в своей грязной, мокрой от пота ладони тёплую ручку Лизы, мог лишь дивиться подобной неразберихе. Голова у него шла кругом, он ничего не понимал.

И уж совсем изумился, когда увидел, что сарт побежал в сторону вооружённых людей – и там был принят так, будто был среди них своим!

Но, несмотря на это, беглецам оставалось только последовать его совету.

– Позвольте представиться: Ян Жигмонд Крашевский, шляхтич и ваш покорный слуга! – говорил поляк на ходу, стараясь шагать беспечно, словно на прогулке.

Но камни, летевшие в их сторону, быстро заставили его пренебречь этикетом и ускорить шаг.

– Здравствуйте, – повторила запыхавшаяся Лиза.

– Рус! Рус! – кричали сзади.

Лавочники суматошно завешивали свои лотки, иные впопыхах собирали товар, третьи со страху бросили лавки на произвол судьбы.

– Здесь стало шумно, вы не находите? – продолжал светскую болтовню Крашевский.

Лиза подчинилась ему, шла таким же быстрым шагом, не забывая оглядываться на своих мальчишек.

– Эй, рус! Стой, рус! Во имя Пророка! – кричал какой-то толстый бородач уже совсем близко.

Толпа вокруг всадников множилась, к ней, выходя из переулков, примыкали всё новые люди – со стеклянными глазами и разномастным дубьём в руках. Но гораздо больше людей рассыпались по переулкам и бежали подальше от этого жуткого шествия.

– Ба! Я первый день в этом славном городишке и, похоже, сразу угодил на празднество. Это что, какой-то религиозный обряд? – балагурил Крашевский.

²⁰ Диванбеги – одно из высших придворных званий, начальник государственного совета.

Было уже совершенно ясно, что за ними гонятся, что ругательства и угрозы предназначены им.

– Эй, поторапливайтесь, чертенята! Святой Дух мне свидетель, я вас среди этого балагана вылавливать не намерен! – Крашевский тоже успевал следить за киргизятами, бежавшими за ними с покупками Лизы в руках.

– Быстрее, ваше благородие, быстрее! – кричал Яну издалека один из солдат, охранявших штаб. – Кажись, бухарцы на город налетели!

Добежав до штаба и оказавшись в некоторой безопасности за спинами нескольких солдат, Лиза обернулась. Крашевский стоял рядом и улыбался, излучал невероятное спокойствие. Мальчишки оказались тут же.

Толпа, возглавляемая всадниками, вышла из-за поворота и остановилась, наткнувшись на несколько жалких штыков русских солдатиков.

– Рус, рус, шайтан!

– Разойтись! Разойтись! – приказы солдат утопали в шуме.

Идиллическая прогулка девушки по базару мгновенно, словно по щелчку Всевышнего, превратилась в настоящую чертовщину. Крашевский невольно восхитился русской барышней и солдатиками, которые дотоле так спокойно прохаживались, перешучивались, а на деле, как он теперь понял, жили и несли свою службу находясь на пороховой бочке.

Дело грозило перерасти в настоящее побоище. Из штаба выскочил давешний фельдфебель, быстро оценил обстановку и тут же исчез в каком-то узеньком переулке, где даже собаке было бы тесно. Ещё несколько солдат выбежали наружу за ним, но не последовали его трусливому примеру, а присоединились к своим сослуживцам и образовали некое подобие заслона. С другой стороны улочка упиралась в стену какого-то двухэтажного дома, то есть, по сути, оканчивалась тупиком.

Один солдат пальнул в воздух, и это несколько остудило пыл толпы – шум ненадолго стих. Крашевский старался сохранять самообладание, чтобы Лизе, всё ещё прижимавшейся к нему, было спокойнее, но голова его вертелась, а глаза бегали в поисках хоть какого-нибудь оружия.

Он разглядел, что глаза многих мужчин в толпе были как будто покрыты пеленой, словно эти люди, как безумцы, сами не ведали, что творят. В воздухе витали запахи гашиша и пороха.

Всадник, как будто почувствовавший слабость охраны русского штаба, пренебрежительно повернулся к ней спиной, поднял руку и прокричал:

– Эй, вы, неверные ташкентцы! Вот вам слово могущественного эмира Бухары, да благословит Аллах годы его правления! Вам всем надлежит вынуть из погребов своё оружие, наточить до блеска топоры и кинжалы. Вы должны присоединиться к воинам Бухары и убить всех кафиров²¹ и их пособников! Вам всем следует подставить шеи под ярмо покорности, иначе эмир не сделает разницы между вами и неверными и предаст ваш город огню! Скоро его войско будет здесь! Бей ак-сарбазов!²² Аллах всемогущ!

Но слова всадника не находили отклика среди жителей Ташкента. Многие, случайно присоединившиеся к бунтарям, услышав страшные слова об участи, которую приготовил эмир для Ташкента, стали поспешно расходиться. Мирные горожане, в основном базарный люд, поспешили к русскому штабу, дабы укрыться с имуществом, которое им удалось принести на себе, и теперь прятались за спинами солдат.

Однако толпа вокруг вооружённых людей оставалась пугающе многолюдной. Костяк её человек в двадцать, наиболее крикливых и воинственно настроенных, находился в середине, и в многоцветном море одежд Крашевский различил поблескивающую сталь. Где-то вспыхнули

²¹ *Кафир* (*кяфир*) – в исламе обозначение неверных или отступивших от веры в Аллаха.

²² *Ак-сарбаз* (*турк.*) – «ак» – белый, «сарбаз» – пеший воин. Здесь: солдат.

огоньки, слышалось шипение фитилей. Казалось, толпа вот-вот взорвётся в исступлении и сомнёт жалкий строй из шести отважных солдат, которые по-прежнему не желали открывать огонь, а только отгоняли самых ярых штыками.

Но это не могло продолжаться долго. Одно движение, одно громкое слово, один резкий звук – и начнётся резня.

Крашевский понял, что не сумеет защитить ни прекрасную даму, ни самого себя.

* * *

В русской слободке за ташкентской стеной, несмотря на обеденный час, кипела работа. Впрочем, некоторые солдаты, которым выпало в это время находиться подальше от строящегося храма, с удобствами расположились вокруг бивачного костерка. Кто-то из них полулежал на сартский манер и таскал изюминки с разукрашенного ярким восточным орнаментом блюда, другие колдовали над казаном, который с трудом подвесили на треноге поверх костра, третьи сняли косоворотки и загорали на послеполуденном солнце, не забывая иногда поливаться водичкой из ведра.

Вокруг уже были заложены фундаменты нескольких домишек для унтер-офицеров, стояли две удлинённые казармы и торчали скелеты хозяйственных построек: конюшен, складов, сушилен. Рядом в земле зияла дыра будущего погреба. Над всем этим возвышался каркас церквушки, и только там по-прежнему раздавались возгласы офицера, впрочем, больше похожие не на отрывистые армейские приказы, а на вальяжные повеления барина.

– Эй, Макар, налей-ка мне молочка! Да чего ты мне кашу свою съёшь, олух? И без того брюхо вспучивает.

– Дык ведь с рыбкой, вашбродие. С сазанчиком, – солдат уже в третий раз подавал миску.

– А! – не то рыкнули, не то отрыгнули в ответ. – Ну тогда давай, ежели с рыбкой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.